

На правах рукописи

Галимов Тэймур Рустэмович

**МЕСТО КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА
В ЦЕРКОВНО-ОРДЫНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ:
1237 – 1281 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск – 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный архитектурно-строительный университет»

Научный руководитель: **Павел Иванович Гайденок** - доктор исторических наук, доцент (г. Казань)

Официальные оппоненты:

Селезнев Юрий Васильевич - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», кафедра истории России, доцент (г. Воронеж).

Костромин Константин Александрович - кандидат исторических наук, Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви» (г. Санкт-Петербург).

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов).

Защита состоится 26 апреля 2017 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, кор. 2, ауд.407

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу 426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б и на сайте <http://dissovet.udsu.ru/board/dm-212-275-01>.

Электронная версия автореферата и объявления о защите размещены на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ <http://vak3.ed.gov.ru> и Удмуртского государственного университета: <http://dissovet.udsu.ru/board/dm-212-275-01>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Кандидат исторических наук, доцент

Г.Н. Журавлева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Политические и культурные процессы Средневековья не могут рассматриваться вне деятельности религиозных институтов. Церковные связи пронизывали все социальные уровни европейских обществ и христианских государств, к которым, несомненно, относилась Древняя Русь¹. Ключевыми фигурами в сложившейся на её просторах церковно-политической иерархии выступали носители великокняжеского титула и митрополичьего сана. Уже к 30-м гг. XIII в., началу русско-ордынской войны, место митрополита в социально-политической иерархии было высоким и значимым. Церковная иерархия Руси была тесно связана с жизнью Византии и Западной Европы. После падения Константинополя и дробления церковно-политических элит оказались нарушенными устоявшиеся и казавшиеся незыблемыми принципы церковного и политического управления.

На фоне бедствий, постигших Византию, положение дел на Руси до конца 30-х годов XIII в. виделось более устойчивым и даже благоприятным. Однако с монгольским вторжением и затянувшимся русско-ордынским противостоянием, произошло осложнение внутрдинастических отношений на Руси. В научной литературе монгольское вторжение на Русь традиционно рассматривается в качестве своего рода рубежа. В первые десятилетия власти Орды над Русью положение церкви и её иерарха существенно изменилось. Наиболее наглядно эти различия прослеживаются в деятельности киевских митрополитов, а также в месте русского первосвященника в системе русско-ордынских связей. Всё перечисленное сказалось на положении дел в русской церкви, что обнаруживается уже в первые десятилетия монгольского господства на Руси.

Во-первых, видоизменились связи церкви с княжеской властью и патриархом Византии. Местные церковные власти в лице обладателей первосвященнической кафедры Киева стали более самостоятельными от греческих кафедр. Во-вторых, изменилось место церкви в политической и социальной структуре общества. Если прежде княжеская власть и городская верхушка стремились поставить церковь под свой контроль и максимально вовлечь её в круг социально-политических забот княжеских центров, то в XIII-XIV вв. положение дел изменилось. Статус церкви и её первосвященников в древнерусском обществе возросли. Произошедшее во

¹ Филиппов Г.Г. К проблеме двоеверия. Историографический анализ // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. № 27 / 2004. С. 92-97; Климов Е.В. К вопросу о продолжительности и периодизации христианизации Древней Руси // Вестник Челябинского государственного университета. № 16 / 2009. С. 117-122. Дворниченко А.Ю. Крещение Киевской Руси и Литвы в контексте потестарного общества // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2015. Вып. 4 С. 76-84.

многим объясняется интересами Золотой Орды и личными амбициями церковных первоиерархов.

В рамках представленной диссертации предпринята попытка анализа деятельности и возможностей института киевских митрополитов на кануне монгольского нашествия и во второй половине XIII в., а также установление места киевского первоиерарха в сложных церковно-ордынских и русско-ордынских отношениях обозначенного периода. Разрешение этих проблем позволяет не только уточнить многообразные стороны деятельности русской первосвященнической кафедры в первой трети – конце XIII вв., но и выявить истоки того высокого социально-политического статуса, который усваивала себе церковная иерархия в последующие столетия.

Объектом исследования являются церковно-ордынские отношения в период формирования и укрепления монгольского господства на Руси в первой трети – конце XIII в.

Предметом исследования – институт Киевских митрополитов в контексте реализации административно-канонических, политических и экономических ресурсов власти русского первосвященника.

Хронологические рамки охватывают почти пятидесятилетний период. Нижняя граница исследования очерчена событиями 1237–1240 гг., ознаменованных вторжением монголов в пределы Руси и падением Киева. В качестве верхней границы принят год смерти митрополита Кирилла II (1281 г.). Охваченные в диссертации десятилетия отмечены значительными трансформациями, произошедшими, в землях Древней Руси и в древнерусской церковной организации.

В исследуемый период действия митрополитов и местных иерархов в целом соответствовали каноническим практикам, сформировавшимся в XI – пер. пол. XIII вв. В связи с этим возникла необходимость в анализе форм влияния церкви на общерусские политические процессы накануне нашествия. Данное обстоятельство привело к некоторому расширению нижней границы хронологических рамок.

Подобные затруднения касаются и верхней границы исследования. Поэтому для определения перспектив и последствий описываемых событий в диссертации отчасти были рассмотрены некоторые сюжеты церковной истории XIV в.

Территориальные рамки исследования. Основные географические границы исследования очерчены пределами бывшей Киевской Руси и центральных регионов Улуса Джучи. При этом для решения текущих задач научного исследования потребовалось рассмотрение некоторых событий, происходивших на территориях бывшей Византии, а также в государствах Западной и Восточной Европы, имеющих принципиальное значение для понимания изучаемых исторических процессов.

Степень изученности проблемы. В истории изучения деятельности киевских митрополитов в первые десятилетия монгольского господства и начальной истории Золотой Орды ясно и отчетливо прослеживаются три

периода: 1) дореволюционный, идейным продолжением которого стали исследования российских учёных-эмигрантов; 2) советский, отличительной чертой которого была крайняя идеологизация исторических концепций даже тогда, когда дело касалось эпохи русского средневековья (идейное влияние этих взглядов обнаруживается и в современной, прежде всего учебной литературе); 3) современный период, отмеченный ростом исследовательского интереса к истории Золотой Орды и древнерусских церковных институтов.

Интерес к личностям и деятельности митрополитов в период монгольского господства возник и развивался по мере формирования российской исторической науки, университетов, духовных академий, а также введения курсов церковной истории и истории Русской церкви. Церковно исторические концепции не были изолированы от общенаучных процессов и находились под постоянным воздействием разнообразных историко-философских и социально-политических идей.

На раннем этапе это были влияния сочинений князя М.М. Щербатова² и Н.И. Карамзина³, придавшие истории русско- и церковно-ордынских отношений сильную эмоциональную окраску, выраженную в концепции «монголо-татарского ига» и «татарского гнёта». Подобные подходы и взгляды просматриваются в исторических трудах митр. Платона (Левшина) и архиеп. Филарета (Гумилевского)⁴, рассматривавших историю как своеобразное назидательное изложение прошлого церкви и российского государства.

В середине и во второй половине XIX в. пришло понимание того, что история церкви не может быть оторвана от событий жизни государства, общества, многообразных социальных, экономических и культурных процессов. В обозначенное время была осознана необходимость применения новых критических методов научного исследования. Всё это прослеживается в работах С.М. Соловьёва, митр. Макария (Булгакова), В.О. Ключевского, Е.Е. Голубинского⁵. При всех достижениях работ данного периода по-прежнему оставались плохо изученными процессы, протекавшие в Орде. Ордынское влияние если и рассматривалось, то исключительно в негативном ключе.

После Октябрьской революции различные аспекты церковной истории, на долгие годы, по мнению советских учёных, утратили свою

² Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. СПб., 1774.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. СПб., 1816–1829.

⁴ Платон (Левшин) митр. Краткая Российская церковная история. Сергиев Посад, 2009; Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви. Период второй, монгольский, от опустошения России монголами до разделения митрополии 1237 – 1410 гг. Издание второе. М., 1850.

⁵ Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т 1. М., 1988; Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: книга третья: история русской церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240 – 1589). М., 1995; Ключевский В.О. Курс русской истории. СПб., 1904; Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 2. М., 1901.

безусловную научную значимость. Жизнь церковных институтов рассматривалась преимущественно в идеологическом антиклерикальном ключе. Особенно отчётливо такая позиция прослеживается в 1920-1930-е годы XX в. в работах М.Н. Покровского и Н.М. Никольского, для которых история церкви и церковно-ордынских отношений это история «эксплуататоров» борющихся за свои интересы⁶.

Идейное и интеллектуальное наследие дореволюционной российской науки нашло свое продолжение в работах учёных-эмигрантов А.В. Карташева, Н.Д. Тальберга и других⁷. Им удалось сохранить достижения дореволюционной и исторической науки. Однако в концепциях ученых русского зарубежья произошла консервация подходов, которые неоднозначно оценивались еще в дореволюционной России. Так, для А.В. Карташева история церкви — это история русских митрополитов, а назидательный тон повествования Н.Д. Тальберга оказался еще более консервативным, чем тон работ его предшественников конца XIX в (П.И. Малицкого и П.В. Знаменского)⁸. Столь же схоластичными видятся взгляды А.П. Доброклонского⁹. На этом фоне исключительными видятся работы Г.В. Вернадского¹⁰. Учёный сумел преодолеть имперский пафос большинства российских исследователей и по достоинству оценил социально-культурные влияния Орды на различные, в т.ч. религиозные стороны древнерусской жизни.

В 1940-х – 1960-е гг. XX в. в советской науке наметились изменения в отношении изучения истории Золотой Орды. Внимание Б.Д. Грекова, АН. Насонова, В.Т. Пашуто, И.У. Будовниц и др.¹¹ вновь было обращено к истории русско-ордынских связей. В них история русско-ордынских отношений рассматривается в контексте непрекращающейся борьбы русского народа за свою независимость. Такие оценки и подходы отражали настроения, присутствовавшие в советском обществе в военное и послевоенное время.

Важным этапом изучения истории русско-ордынских связей и церковной жизни первой трети XIII – XIV вв. стали источниковедческие работы 1970-х – 1980-х гг. XX в. Наибольшая заслуга здесь принадлежит

⁶ *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. М., 1920; *Покровский М.Н.* Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, читанные в Ком. ун-те 3-7 мая 1923 г. Петроград, 1923; *Никольский Н.М.* История Русской церкви. М., 1930.

⁷ *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959. Т.1-2; *Тальберг Н.Д.* История Русской Церкви. Нью-Йорк, 1959.

⁸ *Малицкий П.И.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 2000; *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. Казань, 1870.

⁹ *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001.

¹⁰ *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. М., 2011.

¹¹ *Греков Б.Д.* Золотая Орда и Русь// *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М., Л., 1950; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.;Л., 1940; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси XI – XIV вв. М., 1960.

Я.Н. Щапову, В.Л. Янину, А.С. Хорошеву, Д.С. Лихачеву и др.¹². Основным результатом их деятельности стали введение в научный оборот и систематизация грандиозного корпуса древнерусских источников, а также реконструкция социально-политических и религиозных процессов на Руси XI – XVI вв.

Начало 1990-х годов, ознаменованное распадом СССР, отмечено необходимостью поиска истоков национальной идентичности в получивших самостоятельность бывших союзных республиках и в некоторых регионах России. Одним из результатов этой деятельности стало проявление существенного интереса к прошлому Золотой Орды и сформировавшихся на её основе государств. Учреждались специализированные журналы, и возник целый пласт диссертационных исследований¹³.

Данный период может считаться наиболее продуктивным, в т. ч. в отношении исследования церковно-ордынских связей. В значительной мере изучены не только военно-политическое устройство Орды (Ю.В. Селезнев, В.И. Сусенков)¹⁴, ее социально-экономическая структура (В.В. Трепавлов)¹⁵, религиозная политика¹⁶, право (Р.Ю. Почекаев)¹⁷, способы и формы регулирования отношений с Русью (В.В. Похлебкин, Ю.В. Кривошеев, Д.Г. Хрусталева, С.А. Маслова)¹⁸, но и в том числе

¹² Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI – XIV вв. М., 1972; Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977 – 1983 гг.). М., 1986; Янин В.Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990-1996 гг.). М., 2000; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI – XVI вв.). М., 1986; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М, Л., 1947; Лихачев Д.С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Археографический ежегодник за 1962 год: (к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова). М., 1963; Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Л., 1987. Т. 2;

¹³ «Золотордынская цивилизация» (2008-2016), «Нумизматика Золотой Орды» (2011-2016), «Rossica Antiqua» (2010-2016); Рудаков В.Н. Отображение монголо-татар в древнерусской литературе середины XIII-XV века :Эволюция представлений, сюжетов и образов: дисс. к.ф.н. М., 1999; Малышев А.Б. Христианство в истории Золотой Орды: дисс. к.и.н. Саратов, 2000; Соколов Р.А. Русская Церковь во второй половине XIII – первой половине XIV вв.: дисс. к.и.н. СПб., 2006; Селезнев Ю.В. Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (орды): дисс. д.и.н. Воронеж, 2014; и др.

¹⁴ Селезнёв Ю.В. Русско-ордынские военные конфликты XIII-XV вв. Справочник. М., 2010; Сусенков В.И. Русско-монгольская война (1237 – 1241 гг.). Томск, 2003.

¹⁵ Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010.

¹⁶ Белозеров И.В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII – XIV вв.: дисс. к.и.н. М., 2002.

¹⁷ Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2009; Он же. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М., 2015.

¹⁸ Похлёбкин В.В. Татары и Русь. М., 2000; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб., 2015; Хрусталева Д.Г. Русь от нашествия до «ига» (30 – 40-е гг. XIII в.). СПб., 2008; Маслова С.А. Институты ордынской власти над Русью: баскаки, даруги, послы: дисс. к.и.н. – М., 2015.

церковные институты этого периода (Й. Раймер, Р.А. Соколов,¹⁹ деятельность высших церковных иерархов (А.А. Трапезников)²⁰.

Таким образом, усилиями нескольких поколений исследователей был разрешён целый комплекс проблем по истории русско-ордынских отношений и деятельности церковных институтов в период монгольского господства. Но многие стороны взаимодействия высшей церковной иерархии и Орды ещё нуждаются в дополнительном изучении.

Цель исследования – определить место института киевских митрополитов в системе церковно-ордынских отношений в период святительства митрополитов Иосифа и Кирилла II (1237-1281 гг.).

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **исследовательских задач**:

- 1) Уточнить и систематизировать формы участия киевских митрополитов в дипломатической практике домонгольской Руси;
- 2) Проанализировать процесс становления церковно-ордынских отношений в первые десятилетия монгольского господства;
- 3) Определить степень влияния Орды на состояние митрополичьей кафедры и отношение современников к церковно-ордынским связям во второй половине XIII в.

Источники. Круг привлечённых к работе источников опубликован. Он охватывает все используемые в подобных исследованиях группы источников.

Нарративные источники (древнерусские летописи, повести и слова). Основной комплекс используемых летописных свидетельств представлен сообщениями Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, а также известиями Галицко-Волынской, Новгородской Первой летописи Старшего извода и Никоновской летописей, вышедшие в свет в книжной серии издательства «Языки русской культуры». Кроме этого в диссертационной работе использованы значимые для исследования древнерусские повести и слова, опубликованные в академическом издании «Библиотека литературы Древней Руси» и втором томе сборника «Памятники общественной мысли Древней Руси».

Эпистолярные источники (послания и письма) охватывают широкий пласт сообщений, связанных с деятельностью киевских митрополитов и епископов. Среди них выделяются наставления тверского епископа Симеона, а также Поучения и Слова Серапиона, епископа Владимирского²¹. Поднимаемые в посланиях проблемы, как и обстоятельства возникновения этих текстов, дают возможность понять

¹⁹ *Иоханес Раймер.* Миссионерская деятельность древнерусского монашества. Германия, 1996; *Соколов Р.А.* Русская церковь во второй половине XIII - первой половине XIV в. / Под научной ред. Ю.В. Кривошеева. СПб., 2010.

²⁰ *Трапезников А.А.* Православие в России и предстоятели церкви. М., 2010.

²¹ Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. (далее – ПОМДР) Т. 2: Период ордынского владычества / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М., 2010. С. 306, 308-316.

административно-каноническую ситуацию на Руси в XIII в. и место епископата в этих процессах.

Агиографические сочинения. Данная группа источников охватывает сюжеты Киево-Печерского патерика и Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора²². Оба памятника свидетельствуют не только о религиозном мировоззрении современников, но и о неоднозначном поведении церковной иерархии в сложных политических ситуациях.

Актовые источники и памятники древнерусского канонического права. Были привлечены золотордынские ярлыки киевским митрополитам, Вопрошание Кирика новгородца и ответы Нифонта епископа Новгородского, вопросы сарайского епископа Феогноста патриаршему собору 1276 г., определения собора 1274 г., грамоты и уставы князей и др. памятники²³. Памятники данной группы не только отражают закрепление особого правового положение церкви, но и отражали каноническо-правовые реалии времени. Их использование позволяет обнаружить и проследить существенные трансформации внутри самой церковной организации.

Данные археологических исследований. Итоги работы археологов в Киеве, Рязани, Новгороде других городах Руси, а также на территории политических центров Золотой Орды в значительной мере уточняют и дополняют письменные сообщения. Результаты изысканий в Сарае, представленные в работе М. Полубояриновой, разрешают многие вопросы о жизни и деятельности Сарайской епископии XIII-XIV вв.²⁴

Визуальные источники. В диссертационной работе были использованы образы ханов, князей и представителей высшей церковной иерархии в миниатюрах лицевого летописного свода XVI в.²⁵.

Сочинений зарубежных средневековых авторов. Свидетельства письменных памятников обозначенной группы охватывает различные хроники, письма, послания и акты²⁶. Все они проливают свет на

²² Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII в. СПб., 2004. С. 296-641; Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // ПОМДР Т. 2. С. 69-72.

²³ Памятники древне-русского канонического права. Ч.1. СПб, 1880; Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. / изд. подг. Я.Н. Щапов, отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976; Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Ч. 1; Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.

²⁴ Полубояринова М. Иноконфессиональное население Улуса Джучи // История Татар с древнейших времен. Т. 3. Казань, 2009.

²⁵ Лицевой летописный свод. Кн. 5. 1217 – 1241 гг. М., 2014.

²⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников: В 5 т.: Т. 2: Византийские источники. М., 2010; Матузова В.И. Английские средневековые источники IX – XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979; Иоанн дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / перевод А.И.Малеина. СПб., 1911; *Viekoslav Klaić. Poviesti Hrvata*. Zagreb, 1899; Хаутала Роман. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени Сатаны». Казань, 2015.

дипломатические и межцерковные связи Руси и Европы, а также Европы и Орды.

В итоге, привлечение вышеперечисленного широкого круга источников позволяет провести реконструкцию внутрицерковной и дипломатической деятельности киевского митрополита Кирилла II.

Методология и методы исследования. Исследование основано на принципах историзма, научной объективности, стремится к соблюдению норм системного и всестороннего анализа рассматриваемых событий.

В основу методологии представленной диссертации были положены принципы герменевтического подхода, получившего своё развитие в исследованиях Я.Н. Щапова, И.Н. Данилевского, В.Н. Рудакова, Ю.В. Селезнёва и иных исследователей. В рамках данной методологии развитие и деятельность церковных институтов тесно связаны и обусловлены социально-политическими процессами и трансформациями, протекавшими внутри них самих. Наиболее отчётливо это открывается на примере института киевских митрополитов. В результате, использование данного подхода позволяет обнаружить и проследить динамику развития ресурсов митрополичьей власти и положения самого первосвященника в русско- и церковно-ордынских отношениях в первые десятилетия монгольского господства на Руси.

В основу работы помимо различных общенаучных методов (индукция, дедукция и др.) были использованы специальные методы: историко-генетический, историко-сравнительный, а также методы источниковедческого анализа и синтеза. Их использование источников и позволило реконструировать деятельность митрополита Кирилла по сохранению церкви и выстраиванию отношений первосвященительской кафедры с церковными иерархами, Ордой и княжеской властью.

Историко-генетический метод предоставил возможность выявить причины роста влияния первосвященительской кафедры в условиях первых десятилетий монгольского господства на Руси. В условиях существенного разорения городов, гибели князей и обеднения большинства ктиторов церковь должна была утратить свой авторитет и прийти в упадок. Однако этого не наблюдается. Причины произошедшего открываются не только в обстоятельствах времени и в личности митрополита Кирилла II, но и в том, что ко времени монгольского вторжения церковные институты уже обладали сложившейся административно-канонической структурой, существенными источниками доходов, располагали значительным опытом участия в межкняжеских конфликтах, межгосударственных и межцерковных отношениях.

Историко-сравнительный метод позволил провести сопоставление летописных известий различных сводов. Примером этого может служить анализ летописных сообщений о событиях 1223, 1237-1240 гг. Сличение известий Галицко-Волынского, Новгородского и Суздальского летописаний обнаружило в оценках современников принципиальные отличия в отношении монголов. Если для книжников и заказчиков свода

Южной Руси монголы безусловный враг, с которым можно и необходимо бороться, то для суздальцев и новгородцев – это «бич Божий», кара свыше, сопротивление которой не только бесполезно, но и едва ли не греховно. Именно поэтому в южнорусском летописании сопротивляющиеся князья – герои, в то время как в Новгороде и в Суздале всё иначе. Лица, не способные смиренно принять ниспосланное им свыше испытание, сами становятся виновниками будущих бед. Особенно отчётливо эта идея прослеживается в известиях о битве на Калке и предсмертной речи Владимирского святителя Митрофана.

Методы источниковедческого анализа и синтеза были использованы при рассмотрении постановлений Владимирского собора 1274 г. Это позволило определить структуру епископских доходов и степень влияния митрополита на подчинённый ему епископат.

В результате в диссертации критически осмыслены исторические концепции и взгляды, сложившиеся в гражданской и церковной отечественной историографии по интерпретации сообщений различных источников о ключевых моментах изучаемой эпохи.

Научная новизна исследования. Впервые было проанализировано место киевских митрополитов в церковно-ордынских связях: исследованы динамика, основные цели, направления, методы и результаты церковной дипломатии в отношении Золотой Орды. Значительно уточнен комплекс каноническо-правовых возможностей киевских митрополитов и системе организации высшей церковной власти в начальный период монгольского господства. Существенно конкретизирована роль митрополитов в установлении монгольского господства над Русью и трансформации церковной организации в целостный и в значительной мере независимый от княжеской власти институт.

Научно-практическая значимость работы. Результаты данного диссертационного исследования могут использоваться при дальнейшем изучении истории древнерусских церковных институтов и истории международной политики Европейского Средневековья. Кроме этого материалы представленной работы могут оказаться полезными при разработке спецкурсов по истории Русской Церкви, истории Отечества и историко-религиоведческим дисциплинам.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. К концу 30-х годов XIII в., церковная организация представляла собой вполне сформировавшийся институт, интегрированный в систему древнерусских социально-политических отношений. Византийское происхождение митрополитов и набор канонических инструментов, наличествовавший у русских первосвятителей, позволяли им активно участвовать в международных и межкняжеских отношениях Руси.

2. Исчезновение в 1240 г. митрополита Иосифа осложнило церковную ситуацию на Руси. В условиях русско-монгольской войны, противостояния князей Михаила Черниговского и Даниила Романовича Галицкого, самовольности галицкого епископата, а также канонической

неопределенности правопреемников распавшейся Византии на вдовствующую первосвятительскую кафедру Киева было выдвинуто три кандидатуры. За каждой из них стояли различные властные и церковные группы. Политическая победа Даниила в борьбе за Киевский стол предопределила успех его кандидата, скорее всего, бывшего княжеского печатника.

3. Возведение на митрополичью кафедру Кирилла в 1251 г. не смогло преодолеть всю полноту проблем, связанных с разрушением системы церковно-иерархических отношений. Не способствовало этому обеднение ктиторов и ослабление великокняжеской власти. Для преодоления возникшего митрополичьего кризиса власти появилась необходимость в использовании неординарных форм управления церковью. Ими стали митрополичьи объезды лояльных Кириллу епископских кафедр и княжеских столов. В 1274 г. по воле митрополита был проведён большой Собор во Владимире и вскоре введён единый Номоканон унифицировавший деятельность церкви и монашества. Помимо этого, сформировались и получили каноническое закрепление новые источники содержания митрополита и епископских кафедр. Ими стали разнообразные и очень обременительные поборы с духовенства.

4. Изменение политической ситуации на Руси поставило митрополичью кафедру перед необходимостью её признания Ордой. Это привело к установлению между русским первосвятителем и Сараем определённых отношений. Итогом такой политики стало получение церковью существенных экономических и административно-правовых иммунитетов, расширивших права митрополита и епископата. Ханские ярлыки церкви фактически выводили высшую церковную иерархию из-под контроля великокняжеской власти. Впервые церковь стала равноправным участником политических процессов на Руси.

5. Формируется новая церковная доктрина в отношении новых монгольских властей. Не вступая в прямое сотрудничество с монголами, высшая церковная иерархия открытием своей кафедры в Сарае способствовала росту политического влияния Орды и тем самым внесла свой вклад в усиление ордынского господства. Вместе с тем, ни о каком миссионерстве сарайского духовенства говорить не приходится. В эти годы выработана концепция «казней Божиих», которая фактически осуждала любое сопротивление монголам.

6. К концу святительства митрополита Кирилла II положение киевской первосвятительской кафедры усиливается, расширяются права епископов в отношении подчинённого им духовенства. Интересы митрополии всё более связываются с Владимиром, более спокойным с политической точки зрения, имевшим более тесные связи с Сараем и служившим местом пребывания великих баскаков.

Научная достоверность и апробация результатов исследования основана на оригинальном прочтении и внимательном исследовании текстов источников, опоре на результаты работы отечественных и

зарубежных ученых по вопросам изучаемой проблемы. В диссертации привлечен значительный круг источников, опубликованных в авторитетных и широко употребляемых изданиях. Анализ используемого комплекса источников с применением общенаучных и специальных исторических методов позволил сформулировать основные выводы диссертации.

Основные положения диссертации были изложены на 11 различных научных конференциях: региональной научно-богословской конференции «Христианское просвещение и русская культура» (Йошкар-Ола, 2009, 2011, 2012 гг.), всероссийской научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбург, 2013, 2014, 2015, 2016 гг.), международной научной конференции «Современные проблемы изучения истории Церкви» (Москва, 2011 г.); «Эпоха 1960-х: тенденции и противоречия» (Казань, 2011 г.); «Советское общество и советский человек: мифы и реальность» (Казань, 2012 г.); «Историческая память и диалог культур» (Казань, 2012 г.). Основные положения отражены в 16 печатных работах (сборниках тезисов, статей и журналах), в том числе в пяти изданиях, рекомендованных Высшей Аттестационной Комиссией для защиты докторских и кандидатских диссертаций.

Диссертационная работа обсуждена и рекомендована для представления к защите кафедрой «Истории и философии» ФГБОУ ВПО «Казанский государственный архитектурно-строительный Университет» от 27.09.2016 г. (протокол №2).

Структура диссертации. Работа в соответствии с поставленной целью и задачами, включает в себя введение, три главы (семь параграфов), заключение, список используемых источников и литературы, список сокращений. Общий объем составляет 230 страниц.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность и научная значимость темы; определяются объект и предмет исследования; хронологические и территориальные рамки исследования; формулируются цель и задачи исследования; даётся характеристика корпуса источников; устанавливается степень изученности проблемы; характеризуются методологические основы данной диссертации, её научная новизна и практическая значимость.

Глава первая «Положение русского митрополита в дипломатической практике домонгольской Руси» посвящена развернутому анализу положения киевских митрополитов в социально-политических связях Руси и месту русского первосвященника в междинастических и политических отношениях домонгольского периода.

Параграф 1.1 «Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII - первой трети XIII вв.» посвящен

рассмотрению летописных сюжетов, связанных с междоусобными княжескими конфликтами.

Проведенное исследование выявило, что к началу монгольского вторжения киевские митрополиты были вовлечены во внутривосточные процессы и при решении конфликтов обладали широким спектром административно-канонических возможностей. Преодоление противоречий осуществлялось через миссионерскую деятельность, поездки, миротворчество, церковный суд, наложение или снятие интердиктов, рукоположения епископов или отказы от совершения таковых хиротоний, совершение постригов, написание посланий и поучений. Используемые методы соответствовали византийской традиции, допускавшей и регламентировавшей участие церковных институтов при преодолении различных социальных конфликтов. Однако реалии Руси и Византии различались. Это существенно осложняло жизнь и усилия русского епископата. В результате можно констатировать, что эффективность вышеперечисленных действий русских первосвященников имеет дискуссионный характер. Данное обстоятельство объяснялось ещё и тем, что каноническо-правовое и материальное положение митрополитов и епископата на Руси продолжительное время всецело зависело от княжеской воли и изъятий городских элит, было уязвимым и не гарантировало обладателю святительского сана безопасности. Не способствовали доверию епископата и крайне неоднозначные отношения русских митрополитов с монастырями, а также присутствие на Руси нескольких канонических юрисдикций.

Всё перечисленное объясняет то, почему первое упоминание об участии русского первоиерарха в преодолении внутрикняжеского противостояния отмечено только в сообщении о событиях конца XI в. Первоначально инициатива привлечения митрополита к переговорам между Святополком Изяславичем и Владимиром Всеволодовичем исходила от киевской знати, но уже с начала XII в. инициаторами подобных примирений становились и епископы. Данное обстоятельство способствовало всё большему вовлечению архиереев и прежде всего митрополитов в жизнь правящих элит. Такое расширение социально-политической активности епископата приводило к повышению их роли и значения в жизни городов и княжеских семей. Одновременно с этим такое развитие ситуации способствовало приобретению первенствующей кафедрой Киева существенного дипломатического опыта.

В параграфе 1.2. «Место церковной иерархии в русско-византийских отношениях XI – начала XIII вв.» предпринята попытка установить место русских первосвященников в византийской дипломатии.

Сообщения источников позволяют заключить, что киевским иерархам отводилась важная роль в защите византийских интересов в окружении великих князей и среди членов правящего рода Рюриковичей. Это влияние осуществлялось не только через епископов-греков, но и через симпатизировавших им архиереев, как это было в случае Нифонта

Новгородского. В Константинополе ясно осознавали то, что обладание епископской кафедрой повышало политический статус земель-княжений. Обозначенное обстоятельство становилось удобным способом влияния на политику древнерусских князей. Вмешательство византийского высшего духовенства в политические конфликты не всегда приносило положительный результат. Но ни разу оно не осталось незамеченным.

Примерами активной церковной политики Византии в отношении Руси могут считаться непродолжительное существование на Руси трёх митрополий (Киевской, Переяславской и Черниговской), настойчивая защита Константинополем своих интересов в период святительства Климента Смолятича, борьба киевской кафедры с церковными амбициями Андрея Боголюбского, учреждение Смоленской епископии и др. Очевидно, что основным проводником византийского влияния на Руси являлся киевский митрополит, что позволяет видеть в нём не только архиерея, но и дипломата. Именно этим обстоятельством можно объяснить то, что в Византии неодобрительно относились к идее раздробления русской митрополии. В свою очередь киевские первосвятители твёрдо отстаивали интересы империи. В итоге, в период русско-византийских противоречий, возникавших в период Владимира Мономаха, а также в середине и второй половине XII в. митрополиты-греки занимали крайне жесткую позицию при отстаивании интересов империи при дворах русских князей. Наиболее эффективными способами влияния митрополитов служили послания, рукоположения епископов и даже демонстративные отъезды. В свою очередь со второй половины XI в. Византия более щепетильно относилась к выбору кандидатов на русскую первосвятительскую кафедру, что неминуемо вело к росту личного авторитета обладателей русской первенствующей кафедры.

Параграф 1.3. «Киевские иерархи в политических связях Руси с Западной Европой» посвящен рассмотрению сюжетов, позволяющих определить степень вовлеченности русских первоиерархов в русско-европейские связи.

В Константинополе и на Киевской кафедре неодобрительно смотрели на связи Рюриковичей и древнерусских элит с Западной Европой и латинским духовенством. На практике такие действия выражались в написании полемических посланий и в установлении запретов, призванных противодействовать междинастическим бракам с западноевропейцами, заимствованию у них культурных норм и внесению благотворительных княжеских вкладов в монастыри и соборы Западной Европы. Адресатами таких назидательных посланий выступали не только князья, но и местные пастыри, находившиеся в окружении князей и пользовавшиеся княжеским расположением. В большинстве случаев предпринимаемые киевскими иерархами меры не имели успеха. В некоторых случаях такое вмешательство имело для первосвятителей самые негативные последствия. Однако послание митрополита Иоанна II к антипапе Клименту III вполне наглядно свидетельствует о том, что степень антилатинской полемики и

вовлечённость киевских иерархов в европейскую политику не стоит преувеличивать. Данный контакт представлял для Иоанна предмет особой гордости. К тому же византийская церковная традиция XI-XIII вв. допускала и поощряла составление епископатаом различных антилатинских сочинений. Поэтому вопрос об остроте внутрехристианской полемики на Руси остаётся дискуссионным. Данные источников не позволяют однозначно заявлять о каких-либо существенных конфликтах между восточными и западными христианами на территории Руси в XI – первой трети XIII вв. Существовавшие в Новгороде и Киеве латинские божницы и активные контакты князей с западноевропейским духовенством и епископатаом лишней раз подтверждают, отсутствие существенных противоречий в конфессиональной плоскости. В итоге, антилатинские послания митрополитов, составленные на греческом языке и непонятные большинству населения, могли отражать не столько остроту противоречий, сколько культурные нормы времени.

Все вышеперечисленное позволило заключить, что несмотря на неэффективность антилатинской полемики, киевские митрополиты, призванные защищать интересы империи, пробовали влиять на русско-европейские связи, правда, в большинстве случаев это не имело успеха и осуществлялось опосредованно (через послания и поучения, главными адресатами которых были члены правящего рода).

Вторая глава «Становление церковно-ордынских отношений» представляет собой реконструкцию основных этапов возобновления деятельности института киевских первосвятителей и установления церковно-ордынских контактов после исчезновения митрополита Иосифа и окончания русско-монгольской войны.

В параграфе 2.1. «Киевская митрополия в 1237-1251 гг.: от разрушения к воссозданию» проанализирована ситуация, сложившаяся в древнерусской церкви с начала русско-монгольской войны по 1251 г., ознаменовавшийся утверждением митрополита Кирилла II. Она характеризуется осложнением церковной жизни, претерпевавшей серьёзные испытания на фоне межкняжеских противоречий. Сначала это была борьба между основными претендентами на Киевский стол, между галицко-волынским князем Даниилом Романовичем и черниговским князем Михаилом Всеволодовичем. А с 1243 г. положение дел усугубилось действиями владимирского князя Ярослава Всеволодовича и его потомков, способствовавших установлению над Русью монгольского господства.

Одним из результатов русско-монгольской войны стало разрушение высшего церковного управления. В 1237 г. во время осады татаро-монголами Владимира-на-Клязьме в огне пожара погиб укрывшийся в соборе еп. Митрофан. Захват и разгрому подверглись и иные церковные центры: Суздаль, Ростов, Переяславль, Чернигов, Галич. Примечательно что не все из епископов были убиты, часть из них смогла спастись. Однако даже спасение порой не несло за собой возврат на прежние кафедры. Черниговский епископ Порфирий, плененный монголами и отпущенный

ими в Глухове, предпочел не возвращаться обратно. Летописание умалчивает о судьбе переяславского епископа и о многих иных. Исключением, на фоне утрат и поражений на просторах северо-восточной Руси, служит активизация деятельности после монгольского нашествия ростовского епископа Кирилла, укrywшегося в Белоозере. После падения Киева зимой 1240 года со страниц летописания исчезает имя митрополита Иосифа.

В последующие года Русь так и не получила нового предстоятеля, что во многом объяснялось нестабильностью патриаршего престола, находившегося в изгнании в Никее. Возникшие противоречиями между различными обособившимися частями Византийской империи, распавшейся после падения Константинополя, привели к исчезновению интереса к поставлению нового митрополитов на территории, лежащие за пределами империи. В сложившихся условиях на Руси самовольно, без согласования с патриархатом, были выдвинуты три кандидата на митрополичью кафедру: Петр, Иоасаф и Кирилл, за каждым из которых стояли различные политические силы.

Первый из списка, Петр Акерович, вероятно, был креатурой черниговского князя Михаила. Отправленный своим покровителем на Лионский собор 1245 г., Петр должен был искать у папы и правителей Европы военную помощь для борьбы с монголами. Но в Лионе он добился лишь символического признания своего канонического статуса. Будущее Петра было предрешено событиями, происходившими на Руси. В это время Михаил Всеволодович оказался в опале у ордынской администрации, и политическая судьба новоиспеченного митрополита была предрешена. Судя по всему, Петр так и не вернулся на Русь.

Пустующая митрополичья кафедра нуждалась в поиске нового претендента. Ситуацией воспользовался угровский епископ Иоасаф. Если верить кратким летописным сообщениям, он самовольно усвоил себе права митрополита. Это произошло в 1240-1241 гг. Обозначенные годы ознаменованы ослаблением княжеской власти в Галицкой земле и возрастанием роли местных элит. Поэтому разумно допустить, что действия Иоасафа могли быть поддержаны галицкой и волынской знатью в лице недовольных князем бояр и епископов. Измотанный татарскими вторжениями и преследованием со стороны новых врагов, князь Даниил Романович искал спасения в Венгрии, а после вторжения в неё монголов, в Польше. По возвращении в Галич, в 1241 г., Даниил резко пресёк действия самозванца. В 1241 году Даниил Романович восстановил своё влияние и силой принудил подчиниться собственной воле мятежную городскую знать и епископат его земель.

Победа Даниила Романовича над местным епископатом и его политическое влияние на Юге Руси привели к утверждению его кандидата, Кирилла, вероятно, происходившего из близкого окружения галицкого князя. В 1250 г. при поддержке венгерского короля новый ставленник на первосвятительскую кафедру Руси, Кирилл, смог прибыть в Никею, где его

кандидатура была утверждена. Это стало важным событием, позволившим в дальнейшем видеть в Кирилле не только ставленника Даниила, но и вполне самостоятельного первоиерарха, облечённого всей полнотой канонической власти.

В параграфе 2.2. «Становление дипломатических отношений между Ордой и митрополией» отражены обстоятельства и последствия установления паритетных отношений между киевской первосвятительской кафедрой и Сараем.

По своему возвращению на Русь митрополит Кирилл II имел ясные представления об изменениях в политической ситуации. Если прежде гарантом дееспособности киевских митрополитов являлась власть великих князей, то с установлением монгольского господства, фактическими правителями Руси стали ханы Каракорума и Сарая. Именно они контролировали великокняжескую власть и обеспечивали порядок престолонаследия. Стоит отметить тот факт, что монголы были готовы идти на сотрудничество с церковью. Правовых препятствий подобного рода отношениям ни с той, ни с другой стороны не существовало.

В то же время, административно-канонические позиции самого митрополита Кирилл II на северо-востоке Руси были весьма шаткими. После 11-летнего периода церковного безвластия первосвятитель остро нуждался в легитимизации своего положения. Санкционированная Даниилом Галицким дипломатическая поездка во Владимир в поисках союзника в лице Андрея Ярославича, брата Александра Невского, открыла перед святителем возможность для восстановления своих прав над своевольными кафедрами. В дальнейшем закреплению канонического статуса служили объезды епархий с целью восстановления церковно-политического влияния киевской кафедры на местах.

Судя по всему, уже к 1261 году, ко времени открытия Сарайской епископии, митрополит Кирилл II не только разобрался в ситуации и сформировал прочные церковно-ордынские связи, полагающиеся для данного шага, но уже извлекал из них свои выгоды. Создание новой епископии в столице Орды, имело целью координацию дипломатических усилий золотоордынцев по расширению своей политической автономии через установление прочных связей с Византией. Очевидно, что действия церкви немало способствовали политическому признанию Золотой Орды Византией, которая в свою очередь также крайне нуждалась в союзниках.

В итоге, 1261 г. можно считать рубежом, после которого завершилось объединение митрополии под властью первосвятителя Кирилла. Теперь он мог выступать перед князьями и монголами как полноправный представитель Русской Церкви, а его титул получил реальное признание со стороны епископата и политических элит различных земель. Однако каноническая власть киевского первоиерарха едва ли может оцениваться в качестве безусловной. Не имея полной поддержки со стороны княжеской власти, русский первосвятитель столкнулся с независимым поведением епископата, ориентировавшегося

на политические элиты своих княжеств. Подтверждением этого служит отсутствие южнорусских иерархов на Владимирском соборе 1274 г., вероятно, не разделявших устремления русского первоиерарха. К тому же южнорусские епископы находились на территориях, подчинённых Ногаю, который в свою очередь пребывал в состоянии конфликта с Сараем, контролировавшим Владимир. В сложившихся условиях власть митрополита над епископскими центрами южнорусских земель оставалась во многом условной.

Активность церковно-ордынских отношений инициировали получение церковью ордынских грамот, обеспечивавших церкви отсутствие даннической зависимости и защиту. Первый из сохранившихся ханских ярлыков церкви, датированный 1267 г., сообщал о более ранних подобных документах, гарантировавших права митрополита и льготы церкви. Необходимо отметить, что при митрополите Кирилле II церковь не облагалась налогами, была выведена из-под юрисдикции княжеской власти, а свобода, с которой действовал митрополит во время своих объездов, ставших эффективным способом церковного управления, указывает на его защищенность и независимое положение по отношению к князьям. Благодаря сотрудничеству с Ордой к концу святительства Кирилла II митрополичья кафедра стала важным политическим игроком в русско-ордынских и межкняжеских отношениях.

В главе 3. Состояние митрополичьей кафедры и церковной организации на Руси во второй половине XIII в. дана оценка ордынского влияния на канонический и правовой статус митрополита внутри возглавляемой им иерархии и проанализирована реакция современников на церковную политику в отношении Сарая.

В параграфе 3.1. Влияние Орды на каноническо-правовой статус митрополита и русской церкви во второй половине XIII в. разрешён ряд вопросов, связанных с ролью Орды в формировании новых каноническо-правовых реалий на Руси.

Необходимо признать, что сами ордынцы не вмешивались в вопросы канонического устройства русской церковной организации, рассматривали это как исключительное право самого духовенства. Тем не менее, ханские ярлыки церкви фактически выводили священную иерархию и её людей из-под контроля княжеской власти и в условиях политической нестабильности и существенного обеднения прежних церковных ктиторов предоставляли митрополиту широкие возможности по установлению своего влияния над епископатом. Более того, в сложившихся условиях сама церковь, пользуясь покровительством монголов, предпринимала усилия по расширению и закреплению своих исключительных прав, нашедших отражение в многочисленных списках устава Ярослава, ранние из которых относятся к XIV в. Закреплённые в них нормы не только регламентировали систему наказаний, но и, самое главное, не допускали княжеского контроля над деятельностью митрополичьего суда. Такая ситуация способствовала расширению и усилению каноническо-правовых

процессов внутри самой церкви и содействовала формированию более ясных и чётких внутрицерковных отношений и укреплению дисциплины среди духовенства.

В первые десятилетия монгольского господства митрополиту Кириллу удалось не только переподчинить себе большую часть епископата, но и добиться признания за собой исключительного права представлять интересы церкви перед ханами Золотой Орды. Не менее важным достижением изучаемого периода стало изыскание новых источников материальных доходов для содержания епископата и митрополичьей кафедры. Таковыми стали разнообразные поборы с духовенства. Все перечисленные результаты к концу святительства митрополита Кирилла ещё не были безусловными. Тем не менее, заложенные в период его правления принципы управления церковью создали крепкую основу, на которой в последствие выстраивалось единство Русской церкви.

Параграф 3.2. «Церковно-ордынские отношения в оценках современников» посвящен выявлению и анализу того, как воспринимались различными социальными слоями и древнерусскими книжниками, во-первых, действия иерархов в условиях нашествия и, во-вторых, сложившиеся во второй половине XIII в. церковно-ордынские отношения. Таковые оценки обнаруживаются в сравнительно небольшой группе источников, описывающих события монгольского нашествия. Их основу составляют вошедшие в состав древнерусских летописей повести и слова, а также южно- и западноевропейские хроники.

Анализ древнерусских текстов обнаруживает одну интересную особенность. При описании русско-монгольской войны древнерусские книжники, большая часть которых была представлена церковными лицами, при описании драматических событий 1237-1240 гг. сосредоточили своё внимание на сравнительно небольшом числе военных сюжетов: битва на Калке, нашествие на Русь Батыея. Их идейное завершение обнаруживается в «Слове о погибели земли русской». Всё перечисленное имеет место и в южнорусском, и в новгородском, и в суздальском летописании. Казалось бы, все вышеназванные тексты должны были изобиловать образами священников и высших церковных иерархов. Однако этого не наблюдается. Летописцы доносят истории только трёх иерархов: погибшего во Владимире епископа Митрофана, бежавшего из Ростова епископа Кирилла и освобождённого из монгольского плена черниговского епископа Порфирия. При этом мученический подвиг владимирского епископа Митрофана на фоне отсутствия каких-либо сообщений о подобных примерах жертвенности иных пастырей смотрится удручающе одиноко.

Очевидно, что современники становления монгольского господства на Руси и книжники конца XIII–XIV вв. не увидели в церкви, и прежде всего её архиереях и пастырях, силу, способную выступить против врага. Однако летописание и западноевропейские источники обнаруживают ещё

одну особенность. Если на Юге Руси церковная иерархия была готова ещё какое-то время оказывать своим князьям поддержку в поиске союзников в борьбе с монголами, то Северо-Востоке Руси присутствовало иное отношение. Здесь последовательно и настойчиво проводилась линия принятия монгольской власти как божественного испытания, постигшего христиан за княжеские «грехи».

В заключении представлены выводы по результатам проведенного исследования.

Монгольское нашествие изменило соотношение сил внутри церковно-политических элит Древней Руси. В условиях разорения городов, ослабления великокняжеского влияния на митрополичью кафедру, а также обеднения ктиторов церковь оказалась в условиях новых социально-экономических реалий. Результатом такого развития ситуации стало сближение митрополичьей кафедры и Сарая. Произошедшему способствовало специфическая религиозная политика монголов, закрепленная в нормах их основного закона, Яссы, и создание Сарайской епископии. Её учреждение имело своей целью оказать помощь Орде и укрепить церковно-ордынские связи. Последнее стало очевидной демонстрацией лояльности киевской кафедры ханам Золотой Орды.

Свидетельством взаимного расположения, каким пользовалась русская церковь в лице митрополита, со стороны правителей Сарая, стали ярлыки. Закрепленные в них нормы обеспечили фактическую независимость церкви от княжеской власти и гарантировали ей освобождение от каких-либо выплат и налогов. В результате всё перечисленное предоставило киевским митрополитам возможность свободной реализации своих первосвятительских прав. Это нашло свое отражение в ряде мероприятий. Во-первых, был установлен первосвятительский контроль над епископатом. При этом митрополит стал неподсуден княжеской власти и присвоил себе исключительное право представлять интересы церкви перед ханами Золотой Орды. Во-вторых, сформировались новые источники доходов, обеспечившие высшую церковную иерархию необходимым уровнем достатка. В-третьих, церковь переживает крупные административно-канонические реформы, следы которых видны в результатах и постановлениях Владимирского собора 1273(4) г., а также в принятии единого общерусского Номоканона.

Полученные в ходе работы результаты научного исследования позволяют пойти далее и поставить проблему о степени включённости духовенства и древнерусской знати в состав золотоордынских элит. Разрешение имеющихся в этой области затруднений позволило бы приблизиться к пониманию административного устройства золотордынского государства и сделать вывод о степени интегрированности древнерусских земель в административно-правовое пространство Орды.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:
в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ для защиты докторских и кандидатских диссертаций:

1. *Галимов Т.Р.* Место киевских митрополитов в русско-ордынских связях (о перспективах дальнейшего исследования) // Клио № 4 (51). – СПб: Полторак, 2010. – С. 42-45. (0,75 п.л.);
 2. *Галимов Т.Р.* Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах в середины XII – первой трети XIII века // Вестник Челябинского государственного университета № 25 (52). – Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2012. – С. 104-114. (0,75 п.л.)
 3. *Галимов Т.Р.* Место церковной иерархии в византийской политике в отношении Киевской Руси // Казанская наука № 10. – Казань: Казанский издательский дом, 2012. – С. 33-38 (0,5 п.л.);
 4. *Галимов Т.Р.* Киевские иерархи в политических связях Руси с Западной Европой // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики № 5. Ч. 2. – Тамбов: Грамота, 2013. – С. 39-42 (0,4 п.л.);
 5. *Галимов Т.Р.* История Золотой Орды и церковно-ордынских отношений в советской историографии // ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ № 5. – СПб.: изд-во СПбДА, 2016. – С. 329-343;
- в других научных изданиях:**
6. *Галимов Т.Р.* Место киевского митрополита в отношениях Руси и Орды в начальный период татаро-монгольского господства // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XII научно-богословской конференции (25 мая 2009г.) / Йошкар-Олинская и Марийская епархия. - Йошкар-Ола: ООО «Стринг», 2009. – С. 38-47. (0,5 п.л.);
 7. *Галимов Т.Р.* Вопрос об отлучении от Церкви Дмитрия Ивановича Донского вторым посланием митрополита Киприана // Православный собеседник: Альманах Казанской Духовной Семинарии. Вып. 2 (20) – Казань: Изд-во КДС, 2010. – С. 116-122 (0,5 п.л.);
 8. *Галимов Т.Р.* Обзор исследований по истории русской церкви (60-е гг. XX в.) // Эпоха 1960-х: тенденции и противоречия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: КГАСУ, 2011. – С. 18-20 (0,25 п.л.);
 9. *Галимов Т.Р.* Русская церковь в годы монгольского нашествия // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XIV научно-богословской конференции (16-17 мая 2011 г.) – Йошкар-Ола, 2011. – С. 102-107 (0,5 п.л.);
 10. *Галимов Т.Р.* Русская Церковь в период монгольского господства (взгляд на учебники по истории Русской Церкви) // Современные проблемы изучения истории Церкви. Международная научная конференция: тезисы докладов. Препринт. – Москва: Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – С. 61-63 (0,25 п.л.);

11. *Галимов Т.Р.* Митрополит Киевский и всея Руси Кирилл II (III): штрихи к историческому портрету // Историческая память и диалог культур: Сборник материалов Международной молодёжной научной школы. 5-6 сентября 2012 г. В 3 т. / под ред. О. Н. Коршуновой и др. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. – Т. 1. – С. 92-102. (0,5 п.л.);
12. *Галимов Т.Р.* Положение Киевского митрополита в межкняжеских отношениях 1240 – 1251 годов // ЦЕРКОВЬ. БОГОСЛОВИЕ. ИСТОРИЯ материалы Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). – Екатеринбург: Информ.-изд. отдел ЕДС, 2013. – С. 30-37 (0,5 п.л.);
13. *Галимов Т.Р.* Сближение Русской Церкви и Орды: последствия, внутренняя и внешняя реакция // ЦЕРКОВЬ. БОГОСЛОВИЕ. ИСТОРИЯ материалы II Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). – Екатеринбург: Информ.-изд. отдел ЕДС, 2014. – С. 54-59 (0,5 п.л.);
14. *Галимов Т.Р.* «Желают иметь господина Папу своим преимущественным господином и отцом»: к проблеме возникновения церковной унии на южнорусских землях (середина XIII в.) // ЦЕРКОВЬ. БОГОСЛОВИЕ. ИСТОРИЯ Материалы III Международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской. – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2015. – С. 95-100 (0,5 п.л.);
15. *Галимов Т.Р.* К вопросу о церковно-ордынских отношениях в глазах современников монгольского господства на Руси (вторая половина XIII – начало XIV веков) // ЦЕРКОВЬ. БОГОСЛОВИЕ. ИСТОРИЯ материалы IV Международной научно-богословской конференции, посвященная Собору новомучеников и исповедников Церкви Русской. – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2016. – С. 154-159 (0,5 п.л.);
16. *Галимов Т.Р.* Ещё раз к вопросу о христианской миссии сарайской епископии (XIII - начало XIV вв.) // ДРЕВНЯЯ РУСЬ: ВО ВРЕМЕНИ, В ЛИЧНОСТЯХ, В ИДЕЯХ. 2015. – № 4. – СПб.: Костромин Константин Александрович, 2015. – С. 138-158 (0,5 п.л.).